

Zeit dicht berauscht war».²⁶ Возможно, что в этих двух случаях (как в заведомо известных десятках других) заглавие принадлежит не Гюнтеру, а позднейшим издателям, но Державин этого знать не мог. Заметим еще, что известные стихи 1783 г.:

И словом, тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов,

которые принято считать басенными, написаны в типично забавном стиле (мир сошел с ума). Происхождение и история русского забавного стиля еще совершенно не исследованы. Между тем забавный слог нашего XVIII века — это как раз тот поэтический язык, который ляжет в основу онегинского языка (см. выше даже у Ломоносова, стоявшего в стороне от развития забавной поэзии, в приводившихся четырех стихах типично онегинское «господа»).

Что ж до религиозной лирики Гюнтера, то отношение к ней Ломоносова можно косвенно установить по ироническому «О, коль» к стиху Тредиаковского «Шмолька толь духовна».²⁷ Шмольк был рядовой ортодоксальный лютеранский гимнолог. Ломоносов пренебрежительно к нему относится, потому что знает и любит религиозную лирику Гюнтера, религиозную, впрочем, только по фразеологии: страстные жалобы на зависть и злобу могущественных глушцов, апология своего жизненного пути, направленного к высоким целям, и одновременно страстное же покаяние в жизненных ошибках дают и этой части творчества Гюнтера значение социального документа эпохи, отдаленно предвещающего тип сломленных бурных гениев, каков, например, Ленц.

Перед самым отъездом из Германии Ломоносов 13 апреля 1741 г. пишет Виноградову: «Ich bitte nur die drei Bücher: Nicolai Causini Rhetoricam, Petri Petraei Historiam von Russland und den Günther. . . Bitte das letzte mal mir zum wenigsten die drei gedachte (упомянутые) Bücher zu überschicken»²⁸ (III, примеч., с. 31). А так как имеется в виду, конечно, известное (первое полное) издание 1735 г., то в связи с вышеупомянутым свидетельством Штелина выясняется картина непрерывного интереса Ломоносова к этому изданию во все годы студенчества, вплоть до последних дней пребывания в Германии. В пустыне немецкой поэзии 1720—1730-х гг. Гюнтер был единственным крупным человеком, с чертами гения. Иностранец, который умел уже в студенческие годы выделить Гюнтера и признать в нем единственную фигуру, заслуживающую серьезного интереса, доказывал этим свое собственное глубокое понимание поэзии и собственную

²⁶ Там же, с. 403. «Когда он также в другой раз был сильно навеселе» (нем.).

²⁷ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, с. 62.

²⁸ «Мне нужны только три книги: „Реторика“ Никола Коссена, „История России“ Петра Петрея и Гюнтер. . . Прошу напоследок прислать мне хотя бы три названные книги» (нем.).